

Николай Алексеевич Некрасов.

(1821—1921 г.).

То сердце не научило любить,
Которое устало ненавидеть.

Некрасов

Завтра исполняется столетия годовщина дня рождения поэта-интеллигента поэта-разночинца шестидесятилетия, печальная гора народного—Николая Алексеевича Некрасова. Федор Михайлович Достоевский, столетнюю годовщину которого мы праздновали 12 ноября, возмел в заколо любви. «Возлюбил ближнего своего, как самого себя»—было его первой заповедью.

Николай Алексеевич Некрасов ненавидел подвинутого на выдвинутого жернового алтаря, через ненавидеть прокладывал себе путь любви к угнетенным и обездоленным людям.

Прямо ли, криво ли пишу,
Только душевно: пишу:
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю.

Русский народ, со всеми его недостатками, темными и мрачными сторонами, выписанный на почве закропления,—потому кто был подлинным героем Некрасовской музыки «мести в печаль».

И Некрасов мстил... ненавидя и проклиная патриархально-священную уютную холмошную, рабочей жизни.

Вуд же проклял, растлевающий Пошлый опыт —ум глупцов...
Вот крик его «раненого сердца».
Самодовольных баблов, Охотников до споров модных,
Где много благородных слов,
А дель не видно благородных
—вот кого ненавидел Некрасов всей своей душой.

Правда, порой и его самого глубоко засасывали эти «модные споры»; жизнь вынуждала и его окунаться в это «море благородных слов»; но это не было его житейской средой: не мутная водичка, в которой можно положить рыбку на тарелку, табула Некрасова, а глубокое море бедное, горы, скорбей, плаваний людских—призывали к себе постоянно его взоры холодно-суровые.

От ликующих, правдою болтающих, Обгаряющих руки в крови,
Уведи меня в ступи победоносных
За великое дело любви
говорит поэт в одном из своих стихотворений.

Родина, поблывавшая в путях невешества и нищеты, где все
Вредит по житейской дорожке
В бескарьерной глубочайшей ночи
Вся понатыла о преле, о Боге,
Как в подвешенной тюрьме без свечей.

Где
Мила отовсюду черная
На встречу бедноту...
Одна открытая торная
Дорога к кабаку

—вся жизнь терзала сердце поэта—гражданина. И горе народа—было его собственное горе, воспринятое в детстве с матерью; он столкнулся лицом к лицу с этим горем и на Волге,—реке многоводной, и в вертемах шумливых столиц... И горе народное, стоишь родной земли, находишь неизгладимый отпечаток на пейзажи Некрасова до самой его смерти.

Он одного угла, ни одной «облаги» не выдал в своей жизни Некрасов, где бы горе вокруг не гуляло, где бы русский народ не стоил... Стоишь он по полям, по островам, Стоишь он по вершинам, по островам, В рудниках на железной цепи...

Вот почему именно такой разительной правдой веет от всех его стихов, Вот почему, как грозный шквал прибрежных волн, Некрасов обрушивается в своем произведении «Кто и гражданин» на тех, кто не находит для себя никакого иного призвания в году году, как

Красоту дождя, небес и моря
И ласку милой воспевают...
Летаргии и предубогазности нет
двинутой и снисходительной—

В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прав,
В ком дарование, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...
— Не может он глядеть спокойно
На горе матери родной...
— вот исторический притворитель реальности действительности русской жизни. Потому можно так не быть, Но гражданскому быт обязан—
— так говорит нам Некрасов—гражданин, сын матери родной.

Как предомыслился эти чувства гражданственности в иранской с молодости писавшего самого Николая Алексеевича Некрасова, Некрасова-поэта,—мы можем иметь некоторые представления, хотя бы по ответным словам «шота» в том же произведении «Поэт и гражданин».

Учить других потребен гений,
Потребна сильная душа
А мы своей душой ленивой,
Самобытны и чужаковы,
Но стоим медного грона...

«Быть слепым—вот настоящее несчастье»,—писал Милтон. «Но сознание этой слабости, чувствовать ее и осязать в бессилии открываются от последней одним важным руки—двойное несчастье для всякого человека, особенно же для такой незаурядной и крупной натуре, как Некрасов».

С одной стороны Некрасов чувствовал все гноимые явы на теле русской общественной жизни,—он понимал, что всем своим существом. Но, с другой—«самобытность и чужаков», развивавшая на почве вечной зависимости от других притупляла в нем эту ненависть. Ограничение в устройстве незавершенной в материальном отношении своей собственной жизни времени стесняло брани верх над Некрасовым-гражданином; личное благо призывало к себе и поэта, зная разлад и неуравновешенность во все его мироощущение.

Что враги! Пусть клеветают языком,
Я попадаю у них не прощу,
Не придумай им казни мучи
тальной

Той, которую в сердце пишу.
В этом и именно только в этом мы должны угадывать «плотность» его души. Здесь мы должны искать и тончайших всех тех «противоречий», и «кажись» Некрасова которые пагалили, порой, отпечаток некоторой двойственности и «фальши» и на его бескорыстное служение народу.

Да и что мог сделать поэт-разночинец народного толка, когда рабочая дала холмошная была утогана на поколения в поколение миллионной массой русского крестьянства уже самой крепостническо-патриархальной средой и перероботанным производственными отношениями двадцатого века. Что он мог сделать, когда сама жизнь дарила ему лишь образцы холмошной признания, была

В чертах усталого лица
Все та-ж покорность без конца...
Он мог сделать только одно—мог описать, мог рассказывать в рифмованных стихах о тяжелой доле русского народа. Сам народ был «слаб» осязать свое горе, возмущаться над ним, отделяться от этого гора и шагнуть смело и решительно к новым идеалам, к новым формам жизни, где рабочее не было законом всех людей и мрак, невежество нежити былоовертено. И поэтому именно эту цель—«озвоничение» народа и явил на себя Николай Алексеевич Некрасов.

И не бода его, если «служение волежанию» делам века не приносило желанного поля при жизни народному поэту. Есть времена, есть целые века, В которые нет ничего желанней, Прекрасней—терпеливого века...
—говорит в данном случае сам поэт.

Пусть сам Некрасов никогда не был борцом, но он своим поэтическим

чувством правильно понял психологию нового общественного типа—и в этом его громадная и несомненная заслуга.

Некрасов является поэтическим выразителем целой эпохи нашего общественного развития,—эпохи, начиная с выступления на сцену образованного интеллигентства—разночинца и кончая появлением на этой сцене рабочего класса, пролетариата. И поэтому произведение Некрасова без сомнения на долгие века останется ценным для всего русского народа. По Некрасову мы можем знакомиться с нравственным и идейным содержанием народнического движения; по Некрасову мы можем судить о развитии этого движения; наконец, по Некрасову мы можем проследить и те этапы пути, по которым исторически развивалось, росло и ширилось революционное рабочее движение.

В поэзии Некрасова нашли широкое отражение все те общественные настроения и стремления русской передовой революционной молодежи, которыми она жила, за которые она боролась, в страстном порыве доходя до героического самопожертвования ради блага и счастья своего страдальца народа.

Поэзия Некрасова, его «муча мести и печаль»—была ее собственной музыкой. И по этому революционер Некрасовской эпохи так высоко ценил Некрасова, так беззаветно любил его «сугубо отражающую социальную надежду и чаяния, горе и радости их повседневной тяжелой борьбы».

Основной мотив всей поэзии Николая Алексеевича Некрасова—это мотив отрицания всей совокупности общественных отношений, выросших на почве закрепощения крестьянина.

Громко звучала песня Некрасова, суля проклятия народному врагу.

... Ей вымолот дождь, нимн,
И эхо дальних гор ей шлет свои
отзвук,

И лес откликнулся... Природа влекла
дл мие,

Но тот, о ком пою и ветерной тишине,
Кому посвящен мечтания поэта—
Увы! Не вымолот он—и не дает
ответа...

Народ безмолствовал...
Народ, перед которым поэт, вставая на колени, чтобы молиться за него, как на святыню,—ненависть моталась

Народ Некрасова был чужд борьбе; мало того, он был чужд даже самого сознания необходимости борьбы и нередко вместо хлеба подавал камень поджидая за народ, пришедший из интеллигентской среды.

С глубокой болью в сердце сознавал это Некрасов, он чувствовал эту отчужденность от народа, но он был бесчеловечен с ним слаться и в вестях на его точку зрения, ибо Некрасов был поетом—народником, которого как бабочка, трепещет летая на огонек, во... первый сильный ожог и иллюзорность розовых надежд распылилась на мелкие кусочки, падал вместе с опаленной пылью золотистых крыльев...

Такие «падения» были не чужды и Николаю Алексеевичу Некрасову, по своему находил себе отражение в самых произведениях поэта—народника, поэта—разночинца.

Чем как не следствием подобных «ожогов» являются заключительные строфы в стихотворении «Свядба»

... Плавая, работая—да думать
нужно,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что дает вперед...
Ведная, лучше вперед не гляди.

Или:
Его примером укрепился,
Сломившийся под игом гора.
За жизнью счастье не гоним
И Богу уступил не споря...

Стоит хотя бы на минуту проникнуться психологией «разночинца»—народника, став на его место—и тогда мы поймем весь тот ужас и трагизм положения, в какое попадали «поджидники» за народ во второй половине девятнадцатого века.

«Песня Еремуси» была распылена за его поджидничество. Даже дитя и

тому не спало под любимую песню прошедшего,—наши песни были ближе ему...

Вот почему поэт становится вдруг в тупня, когда он, готовый молиться в бессонную ночь, сам не знает, чего пожелать...

Пел он грокушу песню, а народ не дает во отбасы: Еремуси тихую песню шептал, по напалкам, проснулось дитя...
Что ж нам делать? Что пожелать?—
вот вопрос, который ребром встал перед народниками. Вопрос, поставленный на «охогах», поставленный от разума и сердца, а не от социального «бития» был ложный и прайдный вопрос. Но этого не могли постыть народники; этого не постыг и Некрасов со своей музыкой.

И не случайно, что ответ—
Пожемай тому доброй пощы,
Кто все терпит во имя Христа...

—был не только отречением от народа, но и отречением от народничества его смертного притворения.

«Битва или смерть, кровавая борьба или ничтожество: так позорно поставлен вопрос—были заключительные слова Карла Маркса в «Низете философии».

Для Некрасова же этот вопрос стоял иначе. Да в условиях крепостнического быта России он, этот вопрос, и не мог быть поставлен так позорно, как ставил его Маркс.

Знал, для чего и пахал он и сеял...
Да не по силам народу затеал...

Правда, быстрые настроения не чувды были поэту Некрасову. Он чувствовал приближение вари, он верил в грядущий рассвет; по эта черная, агн «чувства» вывалили ему в настоящей жизни на борьбу, не битым роком, а придавали лишь больше сил, чтобы терпеть, выносить и покоряться...

... О, родная-мать,
Я нылаю вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать.
Но ты не погибнешь, я знаю.

... Еще ты в семействе покуда—
раба,

Но мать уже воляного сына...
... Вынесем все—и широкую, асфальт,
Грудью дорою проложим себе,
Жаль только: жить в эту пору
прекрасную
уже не предостит ни мне, ни тебе...

Не кровь, а страдания и слезы;
не борьба, а рабство; не смерть, а покорная выносливость—так именно стоял вопрос перед Некрасовым. И Николай Алексеевич не вынашивал постоноки этого «неотражаемого вопроса».

Как выразитель «целой эпохи» Некрасов широко охватил в своем творчестве всю социальную действительность общественных наслоений в группировке.

Он не был только народником в узком смысле этого слова. И как талант, он не мог уложиться в раз установленные для него рамки. Мысль поэта-гражданина не тоглась ни года в год на одном месте: делая порой громадные навывы и обходы, она ныла в своем поступательном движении все вперед и вперед, она то скользя по полям, рудникам, по островам, то пылясь, выходящая в черноту кошмарных остов нарождающегося гиганта города, силась постичь и его «тайны» и его «неправды», горе ликое,

Уж не предостит ни мне, ни тебе...

В руках была палка предвешенная, Котоса пустая на ней,
На плечах шубка очинная,
В кармане латанная грош—
—когда прешел он в незнакомую столицу, попытать счастья*, заявлять свою судьбу.

Голод был парем крепостнической Руси и
Он то согнал сюда массы народныя,
Многие—в стальной борьбе,
К жизни воевая эти дери бесплодные

Гроб обрели себя себе...
—говорит Некрасов в своих «думах» о железной дороге.

Прямо дороженка: насыпи укия,
Столбья, рельсы, мосты.
А по бокам то все косточки русские...

Сколько их?...Знаешь ли ты?...
Такая жизнь русского крестьянина, где

Мало слов, а гора речотенька,
Гора речотенька бедолая...
...Где поколения людей

гла не забудет своему поэту.
Как ни далеко от нас Некрасовское время,—говорит Н. Брунская,—известные духовные узы связывают нас с Некрасовым.

И она права.
Несомненно на все «слабости» и «ошибки» поэта-разночинца, под страфами, где он, рисуя положенные фабричных детей («Плачущие дети») говорит:

...Только нам (детям) гуляло не дозволено
По полям, по ливам золотым:
Целый день на фабриках колесо
Мы вертим—вертим—вертим.
Колесо чужбонное вертится,
И гулит, и ветром облетает,
Голова ныкает и кружится,
Сердце бьется, все кругом идет...
...Погоди, ужасное круженье.
Дай нам память слабую собрать.
Вспомолено плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть уми,—прокатное вертится,
Хоть уми,—гулит—гулит—гулит...
...Нам домой скорей бы воротиться...

Но зачем идем мы и туда...
Сядем нам и дома не забывай;
Встретит нас работа и нужда...
—может свободно расписаться не один из наших пролетарских поэтов. Эта картина настолько правдива, настолько свежа в нашей памяти, что она невольно заставляет сопоставлять с современным читателем.

Но менее характерны и красочны у Николая Алексеевича Некрасова я те строфы («Убогая и нарядная»), в которых он в таких ярких штрихах набрасывает перед нами ужасающую панораму «дня» столичных городов, с их развратом, пошлостью и грязью, где

Нащеты и несчастья дощы!
Свет тебя прелает поруганью
И охотно променяет дружку,
Что торгует собой по праву...

...Гуляют они, пустыни невокой
И наодневной праздности лети,
Развотной, довольной толпой...
Печальным думом о бесправии и страданиях русского рабочего люда никогда не оставлял Некрасова.

И в сиянии луном—
Возле родимую Русь узнаю...
Выстрою лоту я по рельсам чужбыным,

Думаю думу свою...
—говорит поэт в своем произведении—«Железная дорога».

Голод был неразлучным спутником трудового народа Он безжалостно разбавлял неприхотливое счастье людей, сильных пригнетой до самой земли, слабых согная в могилу.

«Голодом и любовью держится весь мир»,—писал Шаллер.
Но голодом и только голодом держится мир бесправия, мир рабства и нищеты. И это глубоко понял и выстрадал в своей душе поэт-народник, у которого

В руках была палка предвешенная, Котоса пустая на ней,
На плечах шубка очинная,
В кармане латанная грош—
—когда прешел он в незнакомую столицу, попытать счастья*, заявлять свою судьбу.

Голод был парем крепостнической Руси и
Он то согнал сюда массы народныя,
Многие—в стальной борьбе,
К жизни воевая эти дери бесплодные

Гроб обрели себя себе...
—говорит Некрасов в своих «думах» о железной дороге.

Прямо дороженка: насыпи укия,
Столбья, рельсы, мосты.
А по бокам то все косточки русские...

Сколько их?...Знаешь ли ты?...
Такая жизнь русского крестьянина, где

Мало слов, а гора речотенька,
Гора речотенька бедолая...
...Где поколения людей

гла не забудет своему поэту.
Как ни далеко от нас Некрасовское время,—говорит Н. Брунская,—известные духовные узы связывают нас с Некрасовым.

И она права.
Несомненно на все «слабости» и «ошибки» поэта-разночинца, под страфами, где он, рисуя положенные фабричных детей («Плачущие дети») говорит:

...Только нам (детям) гуляло не дозволено
По полям, по ливам золотым:
Целый день на фабриках колесо
Мы вертим—вертим—вертим.
Колесо чужбонное вертится,
И гулит, и ветром облетает,
Голова ныкает и кружится,
Сердце бьется, все кругом идет...
...Погоди, ужасное круженье.
Дай нам память слабую собрать.
Вспомолено плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть уми,—прокатное вертится,
Хоть уми,—гулит—гулит—гулит...
...Нам домой скорей бы воротиться...

Но зачем идем мы и туда...
Сядем нам и дома не забывай;
Встретит нас работа и нужда...
—может свободно расписаться не один из наших пролетарских поэтов. Эта картина настолько правдива, настолько свежа в нашей памяти, что она невольно заставляет сопоставлять с современным читателем.

Но менее характерны и красочны у Николая Алексеевича Некрасова я те строфы («Убогая и нарядная»), в которых он в таких ярких штрихах набрасывает перед нами ужасающую панораму «дня» столичных городов, с их развратом, пошлостью и грязью, где

Нащеты и несчастья дощы!
Свет тебя прелает поруганью
И охотно променяет дружку,
Что торгует собой по праву...

...Гуляют они, пустыни невокой
И наодневной праздности лети,
Развотной, довольной толпой...
Печальным думом о бесправии и страданиях русского рабочего люда никогда не оставлял Некрасова.

И в сиянии луном—
Возле родимую Русь узнаю...
Выстрою лоту я по рельсам чужбыным,

Думаю думу свою...
—говорит поэт в своем произведении—«Железная дорога».

Голод был неразлучным спутником трудового народа Он безжалостно разбавлял неприхотливое счастье людей, сильных пригнетой до самой земли, слабых согная в могилу.

«Голодом и любовью держится весь мир»,—писал Шаллер.
Но голодом и только голодом держится мир бесправия, мир рабства и нищеты. И это глубоко понял и выстрадал в своей душе поэт-народник, у которого

В руках была палка предвешенная, Котоса пустая на ней,
На плечах шубка очинная,
В кармане латанная грош—
—когда прешел он в незнакомую столицу, попытать счастья*, заявлять свою судьбу.

Голод был парем крепостнической Руси и
Он то согнал сюда массы народныя,
Многие—в стальной борьбе,
К жизни воевая эти дери бесплодные

Гроб обрели себя себе...
—говорит Некрасов в своих «думах» о железной дороге.

Прямо дороженка: насыпи укия,
Столбья, рельсы, мосты.
А по бокам то все косточки русские...

Сколько их?...Знаешь ли ты?...
Такая жизнь русского крестьянина, где

Мало слов, а гора речотенька,
Гора речотенька бедолая...
...Где поколения людей

